

Шэнь Яньчу выключил телефон и с помрачневшим лицом прошел сквозь толпу гостей, направляясь в самый укромный угол банкетного зала.

Свет хрустальных люстр нарезал его острые черты лица на полосы света и тени, а звук шагов по мраморному полу тонул в симфонической музыке.

В это же время Се Шицин с отвращением дернул за прилипшую к телу рубашку. Июльская духота заставила шелковую ткань намертво приклеиться к спине, и ощущение влажного пота изрядно его раздражало. Он расстегивал пуговицы одной рукой, направляясь к лестнице, ведущей в комнату отдыха, как вдруг боковым зрением уловил нечто странное.

Се Шицин замер у перил на втором этаже. Он небрежно повернул голову и, пронзив взглядом толпу и башни из бокалов с шампанским, безошибочно вычленил тот самый угол, почти сливавшийся с тенями.

Шань Шубай сидел прямо на полу. Его светло-голубая рубашка, застиранная до белизны, мешковато висела на плечах, обнажая хрупкие ключицы. Слишком широкие штанины джинсов гармошкой сбились у щиколоток — он выглядел как ребенок, который тайком нацепил одежду взрослых. Шань Шубай, ничуть не стесняясь, подогнул одну ногу, положил тарелку прямо на колено и принялся жадно есть.

Се Шицин прищурился, лениво опершись локтями о позолоченные перила. Он наблюдал, как юноша вилкой накручивает огромный комок пасты и торопливо запихивает в рот, отчего его щеки раздулись, словно у хомяка, набивающего закрома. Соус испачкал уголок губ, но Шань Шубай тут же слизал его кончиком розового языка, а его кадык часто дергался при глотании.

— Цзе. — Се Шицин беззвучно усмехнулся.

Тарелка быстро опустела. Шань Шубай украдкой огляделся, и, убедившись, что никто не обращает на него внимания, словно настороженный кот, метнулся к длинному столу и стащил еще одну порцию тирамису. Он вернулся в свой угол с такой отточенной грацией, будто проделывал это сотни раз — даже подол его рубашки, взметнувшийся при движении, выдавал привычку.

Се Шицин тихо рассмеялся, и от вибрации его груди перила слегка задрожали. Это было слишком мило — этот вид вора, пойманного с поличным, но при этом сохраняющего невозмутимый вид. Ему захотелось поставить запись этого «пиршества» на бесконечный повтор.

А Шань Шубай в этот момент был поглощен долгожданным чувством сытости. Он уже не помнил, когда в последний раз нормально ел. Шэнь Яньчу вечно придумывал способы его наказать — на прошлой неделе, например, из-за того, что Шань Шубай не доел рыбу в остром масле, его заперли на чердаке на целые сутки.

Ничего страшного, он уже привык.

Шань Шубай опустил взгляд в тарелку. Хорошо, что сегодня банкет. Пусть обычно он был для всех невидимкой, но на такие важные мероприятия его всё же выводили в свет. Для приличия. Поэтому сегодня он мог наесться досыта. От этой мысли Шань Шубай почувствовал удовлетворение, и даже еда в его глазах обрела особую ценность.

Сладость крема, тающего на языке, заставила его прищуриться. Он бережно слизал с пальцев даже крошки кофейного порошка. Он ел торт маленькими кусочками, словно совершая священный ритуал, и совершенно не замечал обжигающего взгляда, устремленного на него со второго этажа.

Когда последний кусочек оказался во рту, Шань Шубай с довольным видом поднял голову — и тут же столкнулся с парой смеющихся глаз.

На втором этаже, облокотившись на перила, сверху вниз на него смотрел Се Шицин. Рубашка мужчины была распахнута, и открытая грудь поблескивала в свете ламп. Увидев, что его заметили, он с дерзкой усмешкой подмигнул и беззвучно произнес губами три слова:

— Вкусно?

Вилка со звоном упала на пол. Шань Шубай задрал голову, его кадык судорожно дернулся. Мужчина на втором этаже был похож на картину, написанную густыми, сочными мазками. В распахнутом вороте рубашки виднелись тени ключиц, напомнившие ему самый ценный оттенок охры из его палитры.

Хочется, чтобы он стал моделью. Хочется нарисовать его.

Стоило этой мысли возникнуть, как свет внезапно померк. Шань Шубай невольно вздрогнул и, помедлив, поднял голову, встретившись с мрачным взглядом Шэнь Яньчу.

— Похоже, ты проголодался, дорогой братец. — Шэнь Яньчу похлопал его по щеке кончиками пальцев — несильно, но с явным намерением унизить.

Свет люстры падал у него за спиной, отбрасывая на лицо Шань Шубая паутину теней. Шань Шубай покачал головой, и пряди волос на затылке коснулись бледной кожи:

— Н-нет, я не голоден.

Шэнь Яньчу внезапно присел на корточки, чтобы оказаться с ним на одном уровне. Этот обманчиво интимный жест заставил Шань Шубая покрыться холодным потом; он видел, как в зрачках кузена отражается его собственный испуг.

— Но я видел, как много ты съел. — Шэнь Яньчу большим пальцем стер крем с уголка его губ.
— Очень вкусно?

Шань Шубай тут же отставил тарелку, и фарфор звонко ударился о мраморный пол.

— Прости, я больше не буду.

Воздух внезапно застыл. Шэнь Яньчу резко сжал его подбородок:

— Что ты сказал?

Шань Шубай почувствовал, как застучали его зубы. Он механически забормотал извинения, голос звучал так, будто его терли наждачной бумагой:

— Прости... я съел еду без разрешения...

Даже в этой унижительной позе его глаза оставались неестественно прекрасными. Слезы, вызванные физиологической реакцией, заполнили их, преломляя свет и блестя, как намокшее стекло.

Се Шицин, опиравшийся на перила, резко выпрямился и направился вниз.

— Разве ты не ошибся? — Шэнь Яньчу внезапно отпустил его, развернулся и взял со стола десерт с вишней.

Ярко-красная ягода, утопленная в водовороте крема и политая блестящим джемом, выглядела как отравленное яблоко из сказки. Зрачки Шань Шубая сузились. У него аллергия на вишню. Он до сих пор помнил то удушье, когда в семь лет у него опухло горло, помнил пронзительный писк монитора в реанимации и помнил, как Шэнь Яньчу стоял за дверью палаты и смеялся, говоря: «Ого, оказывается, аллергия и правда настоящая».

— Съешь, и я тебя прощу. — Шэнь Яньчу протянул ему десерт.

Шум банкетного зала внезапно стих. Шань Шубай уставился на алую вишню и медленно протянул руку...

— Вот так, молодец. — Шэнь Яньчу вдруг выхватил вилку, зачерпнул кусочек крема с джемом и насильно запихнул ему в рот.

В тот момент, когда на языке взорвался приторный вишневый вкус, Шань Шубай задрожал. Крем был животного происхождения, а потому таял мгновенно. Он с силой оттолкнул Шэнь

Яньчу и бросился прочь.

Шэнь Яньчу уже хотел броситься в погоню, но чья-то рука легла ему на плечо. Мужчины встретились взглядами, и в воздухе словно проскочили искры.

Шэнь Яньчу первым усмехнулся:

— Поговорим?

— Можно. — Се Шицин бросил взгляд на удаляющуюся спину Шань Шубая, его голос был холодным, как лед.

— Но сейчас ты должен идти на семейный ужин. — Шэнь Яньчу указал на пожилого господина Се, который искал внука, и приподнял бровь.

Се Шицин обернулся, взглянул на деда, хмыкнул и бросил:

— Ладно. Жди.

Шэнь Яньчу помахал ему рукой:

— Жду-жду, господин старший внук.

Он обернулся туда, где только что был Шань Шубай, но того и след простыл.

В туалете горел холодный, слепящий свет. Цзин Цзайсин лениво опирался на мраморную раковину, капли воды стекали по его пальцам с четко очерченными суставами. В зеркале отражалось острое лицо — высокие скулы, чуть приподнятые уголки глаз, влажные черные волосы, небрежно зачесанные назад, открывали высокий лоб.

Он равнодушно потянул за воротник рубашки, и без того мешковатый вырез стал еще шире, обнажая ключицы, на которых остался красный след — подарок от вчерашнего партнера. Его развязный вид напоминал топового мужчину-модель, только что вышедшего из ночного клуба, но в ленивом прищуре глаз читалось, что он может уснуть прямо здесь, прислонившись к стене.

Цзин Цзайсин довольно присвистнул, глядя на свое отражение. Его сокровище точно будет в восторге.

Как раз когда он собрался уходить, дверь туалета с грохотом распахнулась. В помещение влетел худощавый парень, пошатываясь, его лицо пылало неестественным румянцем. Он

рухнул на пол, словно выброшенная на берег рыба, судорожно вцепившись пальцами в горло и тяжело хрипя.

Цзин Цзайсин приподнял бровь.

— Нынешние дети так стараются, чтобы соблазнить? Играют в аллергию?

Парень внезапно поднял голову, и его затуманенные слезами глаза встретились со взглядом Цзин Цзайсина. Лицо у него было до ошеломления красивым, но сейчас — белым, как бумага; прилипшие ко лбу влажные пряди волос, крупные слезы, градом катившиеся по щекам и разбивавшиеся о плитку мелкими брызгами.

— Цзе.

Цзин Цзайсин присел, грубо схватил его за подбородок и осмотрел. Вокруг кадыка уже выступила обширная сыпь, пульс колотился так, словно сердце собиралось выскочить из груди. Он внезапно тихо рассмеялся, обхватил парня рукой за талию и с силой надавил большим пальцем на точку вэй-шу.

— У-у...!

Шань Шубай даже не успел сообразить, как его затащили в кабинку. Пока он, склонившись над унитазом, извергал из себя всё содержимое желудка, он смутно слышал за спиной щелчок зажигалки.

Когда желудок опустел окончательно, Шань Шубай обессиленно обернулся. Дверь кабинки была распахнута, на полу валялся промокший пиджак — того мужчины и след простыл, а в воздухе витал лишь едва уловимый запах мятных сигарет.

<http://bllate.org/book/20752/2080737>